

Цзинь Линьюэ стоял в лесу, оглядываясь по сторонам. После подсказки парнишки он стал смотреть на беженцев с куда большим подозрением.

Внезапно тихий плач перерос в громкий рев.

Старуха испустила последний вздох.

Министр общественных работ не смог скрыть печали во взгляде, отвернулся, чтобы смахнуть слезы из уголков глаз, и тут же встретился взглядом с Цзинь Линьюэ.

Цзинь Линьюэ покачал головой, призывая его не слишком убиваться.

В конце концов, найти в этом лесу еще парочку таких старух не составило бы никакого труда. Если бы пришлось сочувствовать каждому встречному, никакой работы сделать бы не удалось.

Министр общественных работ взял за руку заливающегося слезами ребенка и обратился к Цзинь Линьюэ:

— Мы пойдем взглянем, что там впереди.

Цзинь Линьюэ ответил:

— Лучше вам сначала отвезти ребенка на постоянный двор. А я пойду вперед, разведу обстановку, а потом вернусь к вам. Таскать с собой ребенка — сплошное неудобство. К тому же, гляньте, малыш проголодался, всю дорогу палец сосет, а у меня у самого сухой паек вышел. Сначала накормите его досыта, а все остальное обсудим, когда я вернусь, идет?

Министр общественных работ закивал.

Надвинув бамбуковую шляпу еще ниже, Цзинь Линьюэ продолжил путь в сторону дамбы Жиюэ.

На ходу он присматривался к людям у дороги и в конце концов и впрямь заметил кое-какие странности.

Некоторые беженцы хоть и выглядели замарашками в лохмотьях, а лицами были бледны, но шагали так легко и бодро, что земля под ногами словно горела — между ними и тем парнишкой, что голодал уже несколько дней, лежала пропасть.

Неужели это люди, которых подослал господин Чжу?

Цзинь Линьюэ сжал кулаки, затем опустил взгляд и сделал вид, что ничего не заметил.

Но некоторые люди словно созданы лишь для того, чтобы испытывать пределы твоего терпения.

Цзинь Линьюэ спокойно шел своей дорогой, как вдруг прямо на него выскочил человек, с виду вылитый беженец.

Будь на его месте обычный беженец, он бы от такого столкновения не просто растянулся на земле, но еще и покачнулся бы от голода и слабости.

Однако этот тип не только не упал, но даже не растерялся — лишь недовольно вскрикнул: «Ой!», и это мгновенно насторожило Цзинь Линьюэ.

Здоровенный «беженец» был явно не рад встрече с этим совершенно невозмутимым с виду человеком и с порога выругался:

— Ты, мать твою, ослеп? На такой широкой дороге — и прямо на меня преешь! Специально, что ли?

Странное дело, не правда ли?

То, что собирался сказать Цзинь Линьюэ, этот бравый беженец выпалил от начала и до конца.

Цзинь Линьюэ лишь неловко скривил уголки рта:

— Ну... прошу прощения?

Он полагал, что раз первым признал вину, на этом инцидент можно и исчерпать.

Но у противника, должно быть, замкнуло какую-то жилку, и тот не отставал:

— С тебя одного прощения мало! У господина в груди болит, ну-ка подойди, помассируй мне тут.

С этими словами он бесцеремонно вцепился в рукав Цзинь Линьюэ.

Цзинь Линьюэ, до того не испытывавший ни малейшего намерения убивать, ледяным движением накрыл ладонью тянущуюся к нему руку и с легкой улыбкой произнес:

— Ах вот что нужно господину. Идемте, ступайте со мной вон за тот валун, там никого нет.

Забивший себе голову грязью дурень наивно вообразил, будто сегодня ему попался мягкий фрукт, и в мыслях уже смаковал, как хорошенько потреплет этого изнеженного с виду молодого господина.

За валуном и впрямь не оказалось ни души, и бравый беженец, словно голодный тигр на добычу, вцепился в Цзинь Линьюэ.

Только и услышал он холодную усмешку из объятий:

— А писать ты умеешь?

Громила брякнул не задумываясь:

— Нет.

Цзинь Линьюэ резко развернулся, выскользнув из его хватки, небрежно вытащил из волос серебряную шпильку и медленно провел ею перед глазами беженца.

— Как по твоему, красивая у меня шпилька?

— Красивая... Да только ты сам красивее.

Цзинь Линьюэ провел одним пальцем по узору в виде жилкования на конце шпильки в форме листа гинкго и неторопливо произнес:

— А язычок у тебя подвешен хорошо. Если бы ты не насолил мне, я бы с радостью оставил тебе этот рот, чтобы и дальше слушал твои похвалы.

В мгновение ока Цзинь Линьюэ взмахнул рукавом — беженец даже сообразить ничего не успел.

Когда Цзинь Линьюэ снова выпрямился, в его руке уже оказался чистый шелковый плат, которым он тщательно вытирал кровь со шпильки.

Откуда кровь?

Бравый беженец запоздало сообразил, что во рту дико саднит.

Если точнее, невыносимо болел язык.

Цзинь Линьюэ надул губки:

— Вот же он.

Беженец взвыл от боли, опустил глаза и увидел у своих ног окровавленный обрубок мяса с белыми прожилками — присмотревшись, он понял, что это кончик его собственного языка.

Он попытался истошно заорать, но стоило напрячь горло, как боль пронзила его, словно тысячи иголок.

— Можешь не стараться, говорить ты больше не сможешь до конца своих дней. Скажи спасибо, что я сегодня проявил милосердие, иначе этот камень стал бы твоим последним приютом в этой жизни.

Цзинь Линьюэ заново заколол волосы, спрятал окровавленный платок, поправил бамбуковую шляпу и зашагал дальше, оставив корчащегося от боли и беззвучно рыдающего беженца прислонившись к валуну.

Шел Цзинь Линьюэ так легко и непринужденно, что беженец задохнулся от бессильной ярости, но сил даже на то, чтобы броситься в драку, у него уже не осталось.

Желая хоть как-то выразить свои чувства, он нащупал в запазухе маленькую деревянную бирку и со злости швырнул ее вслед обидчику.

Цзинь Линьюэ даже не обернулся — услышав свист летящего предмета, он просто машинально протянул руку и поймал его. Взглянув на вещицу, он усмехнулся.

Бирка была небольшой, вдвое меньше ладони, и на ней красовались два крупных иероглифа: Поместье Чжу.

Ха, ну разумеется, обычная шестерка.

Цзинь Линьюэ прибавил шаг и, пройдя еще немного, наконец добрался до дамбы Жиюэ.

В прошлый раз, когда он здесь появлялся, его сопровождали разодетые чинуши, так что сосредоточиться и толком осмотреть это старинное гидротехническое сооружение было совершенно невозможно.

Пролом в дамбе выглядел так, будто его размыло и разрушило мощным напором воды.

Цзинь Линьюэ хотел подобраться ближе к прорыву в поисках улики, но едва его нога ступила на гребень дамбы, стражники тут же нацелили на него копья.

— Ты что, объявлений не читал? Ближе сюда не подходить!

Цзинь Линьюэ изобразил крайнее удивление:

— А? Никаких объявлений я не получал. В чем дело? По дамбе больше нельзя ходить? Разве наводнение не закончилось?

— Охрану места происшествия понимаешь или нет? Ладно, с таким как ты толку говорить. Запомни: в ближайшие дни здесь не появляться, иначе мое оружие церемониться не станет.

Цзинь Линьюэ привстал на цыпочках, оценивая число стражников на гребене — их оказалось немало.

Лезть на рожон — только терять преимущество. Придется обойти стороной.

Цзинь Линьюэ неспешно зашагал по тропинке, вьющейся вдоль дамбы.

Вода сошла, и теперь здесь сновали не только беженцы, но и те, кто готовился заново отстраивать свои дома.

Пройдя всего пару шагов, он встретил молодого человека, чинившего крышу.

— Эй, братец, будь добр, подай мне ту деревянную палку у ног, спасибо.

Цзинь Линьюэ наклонился, поднял длинный красный шест и передал его парню, стоявшему на строительных лесах у крыши.

— Нет-нет, братец, ту, что ближе к ноге. Эта не годится, ее смыло с дамбы.

Цзинь Линьюэ приподнял бровь и, отдав парню нужную палку, принялся внимательно рассматривать строительный материал с дамбы Жиюэ.

На первый взгляд — достаточно толстый и прочный.

Но стоило взять его в руки — непривычно легкий.

По идее, палка такой длины и толщины не должна была ничего не весить.

Цзинь Линьюэ сделал вид, что хочет переломить ее пополам, чтобы заглянуть внутрь.

Парень как раз спрыгнул с крыши, похлопал Цзинь Линьюэ по плечу и со смехом сказал:

— Не стоит так усердствовать, эту палку даже сорванец лет десяти запросто переломит, не говоря уже о тебе.

Цзинь Линьюэ улыбнулся:

— С чего ты взял, что она с дамбы Жиюэ?

Парень ответил:

— Эдакую дрянь, кроме нашего господина Чжу, никто больше и не сотворит.

Цзинь Линьюэ продолжил расспросы:

— Похоже, братец отлично разбирается во всей этой кухне.

Тот гордо усмехнулся:

— Да тут все всё знают, просто языки не распускают.

Цзинь Линьюэ поспешно протянул парню висевшее на перилах полотенце и смиренно попросил совета:

— Не мог бы братец просветить меня?

— А ты сам кто будешь?

— Писатель-сказитель, пришел послушать историй.

— Эх, парень, советую тебе не совать нос куда не следует. Мы-то на своем клочке земли всё про себя знаем, но если вынесешь сор из избы и об этом узнают чужаки, глядишь, и головы лишишься.

Цзинь Линьюэ рассмеялся:

— Братец шутит. Я с малых лет живуч, Ямарадж уже несколько раз пытался меня забрать, да каждый раз целым и невредимым возвращал, я неприятностей не боюсь.

— Ха-ха, крепкий орешек? Ладно, так и быть, послушай, как тут всё устроено.

С самого момента возведения дамбы Жиюэ при ней существовала должность смотрителя. В его ведении находилась не только река, но и сама дамба.

По первости ко двору относились к безопасности дамбы со всей серьезностью, и смотрителей назначали прямо из столицы.

Пусть чина у них особого не было, но казенное содержание и довольствие шли полным ходом, а в ежедневные обязанности входило лишь патрулирование русла, проверка дамбы да ведение записей — житье было на редкость вольготным.

Дамбу построили на совесть, и в первые годы тамошним смотрителям и впрямь жилось донельзя скучно.

Ежедневные отчетные журналы пестрели однообразными записями, словно счета в лавке:

Первое число третьего месяца, ясно, происшествий нет.

Второе число третьего месяца, ясно, происшествий нет.

Третье число третьего месяца, небольшой дождь, происшествий нет.

Так продолжалось несколько лет. День за днем шли столь пресные донесения, что наверху от них уже зевали со скуки, не говоря уж о самом смотрителе, которому приходилось их строчить.

Шли годы, тишина и мир не нарушались, дамба Жиюэ по-прежнему стояла незыблемо, словно гора Тайшань, не вызывая никаких нареканий, и в конце концов двор потерял бдительность.

Сначала властям на местах разрешили самим назначать смотрителей, а затем и вовсе сократили отчетность: вместо прежней еженедельной отправки журналов велели докладывать раз в полгода.

И дамба Жиюэ постепенно выпала из поля зрения столичных чиновников.

Нынешний смотритель — младший брат уездного начальника, человек абсолютно безграмотный, и тетради ему заменяют крепостные слуги, ведущие записи за него.

Но хотя грамоты он не ведал, в серебре разбирался отменно.

Смотритель Чжу принялся за всякие темные делишки, отчего его мошна набивалась всё туже.

Например, дамба — это кратчайший и неизбежный путь к городу? Прекрасно, пусть народ платит дорожную пошлину.

Например, ежегодно казна выделяет средства на укрепление дамбы Жиюэ? Замечательно, оставим их себе.

Денег у смотрителя Чжу становилось всё больше, а смелости — всё через край.

Сначала он для вида еще тратился на закупку хоть каких-то материалов для укрепления дамбы.

Позже количество этих материалов он урезал вдвое.

А со временем вдвое уменьшил и их вес.

Оставленная под палящим солнцем и проливными дождями, без надлежащего ухода, дамба Жиюэ наконец не выдержала нагрузки и рухнула.

Парень с некоторым сожалением покачал головой:

— А ведь дамбу и впрямь построили на славу. Не запустили они ее из-за многолетнего отсутствия ремонта, она бы и дальше защищала эти края... Просто они не умели ценить то, что имели. Великий грех.

Цзинь Линьюэ поддакнул:

— И то верно. Вещь, оставленную предками, не сберегли — вот всё и пошло прахом.

— Эй, парень, когда будешь писать, пиши мягче, без имен и названий, а то навлечешь на себя смертельную беду.

Цзинь Линьюэ заверил его:

— Братец, не переживай, я в этом деле не первый день. Чтобы отнять у меня жизнь, мало просто захотеть.

— Ха-ха, ладно, некогда мне с тобой лясы точить, пора крышу доделывать.

— А сам-то ты не думал уйти отсюда, как остальные?

Парень, уже начавший карабкаться по приставной лестнице, замер на мгновение:

— Этот дом тоже оставили мои предки, я должен его охранять.

Цзинь Линьюэ спросил напоследок:

— Братец, позволь еще один вопрос. Не знаешь ли ты, где обитает господин Чжу?

— Какая еще свинья?

— Смотритель реки.

— Видишь эту дорогу? Иди прямо до развилки у большой туи, возьми вправо — у ворот его логова растет огромный вяз.

— Благодарю.

— А зачем он тебе? С подарком идешь?

— Точно. Несу ему знатный подарок. Братец, я эту палку заберу с собой, вдобавку ему и

презентую.

Парень тоже был не промах и по ходу разговора уловил во всей этой истории дух зачинщика неприятностей, а потому поспешно понизил голос:

— Ты что, собрался отходить его дубиной по темной? У меня в сарае мешок есть, хочешь — отдам.

...Цзинь Линьюэ неловко улыбнулся:

— Братец, а ты щедр на выдумки.

Попрощавшись с дружелюбным парнем, любезно предложившим орудие труда, Цзинь Линьюэ с алой палкой наперевес зашагал в указанном направлении.

Если память ему не изменяла, тот приbedнявшийся смотритель реки утверждал, что беднее его человека не сыскать и что он едва сводит концы с концами. Что ж, ему как раз не терпелось взглянуть на эту крайнюю нищету.

Солнце клонилось к закату, и в отблесках вечерней зари Цзинь Линьюэ на секунду показалось, будто он ослеп.

Мелькнувшая впереди фигура до странности напоминала Бай Юйхуэя.

Решив, что ему просто мерещится, Цзинь Линьюэ яростно мотнул головой и пробормотал себе под нос:

— Того и гляди рехнусь.

Отыскать дом смотрителя реки труда не составило.

Пройдя немного по указанной парнем дороге, он уперся в особняк, который разительно выделялся на фоне остальных построек.

Высокий, парадный, чистый и ухоженный — на фоне скромных крестьянских лачуг по соседству он так и кричал о том, что здесь живет человек богатый.

Два крупных иероглифа «Поместье Чжу» были вырезаны прямо на массивных алых створках ворот, избавив Цзинь Линьюэ от необходимости заводить расспросы.

Вот и оно.

Ворота были плотно закрыты наглухо. Цзинь Линьюэ дважды обошел вокруг входа, прислушался, припав ухом к стене — внутри царила абсолютная тишина.

Бросив взгляд на росшее за забором дерево вяза — высокое, ветвистое... если вскарабкаться...

Не прошло и минуты, как Цзинь Линьюэ уже карабкался по стволу вяза, выходившего аккуратно во двор поместья Чжу.

На улице царили запустение и разруха: кто бежал от бедствия, кто восстанавливал жилье — никто и не думал смотреть на человека, притаившегося на ветках дерева.

Цзинь Линьюэ бегло оценил размеры владений семьи Чжу — весьма просторно. Если б такой особняк стоял в Столице, потянул бы не иначе как на министерские хоромы.

Как там вчера выразился тот тип?

Цзинь Линьюэ подпер щеку рукой и постарался припомнить всё дословно.

Ради укрепления дамбы Жиюэ он ни на миг не смеет ослабить бдительность. Пусть казенных средств и не хватает, но его долг — беречь дамбу, и он готов тратить собственные деньги, чтобы привести ее в идеальный порядок. И пусть сам он ест пресную похлебку да зелень, ради дамбы и живущих за ней людей ему ничуть не трудно.

Цзинь Линьюэ невольно цокнул языком: он и так знал, что тот лжет, но чтобы настолько бесстыдно!

Хотя Цзинь Линьюэ так и не перешагнул порог поместья Чжу, но одного беглого взгляда на внутренний двор, экзотические цветы, деревья, беседки и павильоны, да на шелка и парчу сновавших туда-сюда служанок было достаточно, чтобы понять без слов: господин Чжу — человек крайне зажиточный.

— Кто это там на дереве шляется! — раздался снизу резкий оклик.

Цзинь Линьюэ уже было собрался сигануть вниз, но вовремя сдержался и стал осторожно, сук за сук, спускаться на землю.

— Я...

— Господин Цзинь?

Цзинь Линьюэ остолбенел. Я же загримирован до неузнаваемости, как ты меня узнал? Ты кто такой?

Крепкий парень напротив осклабился, обнажив ряд ослепительно белых зубов:

— Маленький слуга — императорский телохранитель Чжу Чжао. Раньше видел вас во дворечских покоях, господин.

Цзинь Линьюэ торопливо спрятал обратно припасенный в рукаве скрытый клинок и как можно мягче произнес:

— Ах, это ты, стражник Чжу. Какими судьбами здесь?

Чжу Чжао смущенно почесал в затылке:

— Докладываю господину: это мои родные края. Узнав о страшном наводнении, я испереживался за семью и испросил отпуск, чтобы навестить родных.

— О? Так это родина стражника Чжу?

Цзинь Линьюэ вскинул голову, глядя на закатное солнце, и вздохнул:

— Как хорошо.

— Не случись этого наводнения, здесь было бы еще красивее.

— Как твои домашние, стражник Чжу?

— Благодарю за беспокойство, господин, слава богу, все живы и невредимы, никто не пострадал. Разве что дом немного поврежден, сейчас как раз чиним.

— Стражник Чжу, раз это твои родные места, ты должен отлично знать здешние порядки. И людей, и здешние дела наверняка представляешь себе, — улыбнулся Цзинь Линьюэ.

— Докладываю господину: я круглый год служу в Столице, о домашних делах узнаю лишь из ежемесячных писем, да и те пишутся в двух строках. Если вам нужно что-то узнать, может, прислать кого-то сведущего для доклада?

— И кого же ты посоветуешь, стражник Чжу?

Тот снова сверкнул белыми зубами:

— У меня есть младшая сестра, она на пять лет меня младше, всю жизнь прожила здесь, никуда не отлучалась. Если хотите о чем-то расспросить, лучше спросить ее. Сбежать за ней прямо сейчас?

— Едва ли это удобно, — неловко улыбнулся Цзинь Линьюэ.

— Вот дубина стоеросовая! Раз уж вы здесь, мне следовало бы пригласить вас к себе в гости, испить чарку простого вина. Это близко, вон в той стороне. — Стражник выглядел простодушно и даже забавно.

— Нет, ты меня не так понял. — Цзинь Линьюэ подался вперед и понизил голос: — Я к тому, чтобы ты привел сестру на постоянный двор попозже, тихо, чтобы никто не заметил.

Чжу Чжао не сразу уловил смысл, ошеломленно хлопая глазами.

Цзинь Линьюэ покосился в сторону поместья Чжу и приподнял бровь:

— Усек?

Стражник запоздало сообразил и поспешно кивнул в знак согласия.

Раз уж нашелся человек, знающий всё от и до, лучше пока повременить.

Попрощавшись со стражником Чжу, Цзинь Линьюэ зашагал по залитой закатным солнцем дороге обратно к постоялому двору.

Не успел он переступить порог, как столкнулся с младшим слугой из кухни, который без устали тащил в комнаты подносы с холодными и горячими блюдами.

Стоило толкнуть дверь, как предстала картина: почтенные господа министры сидели вокруг и усердно подкладывали еду Плаксе.

Глаза у Плаксы были красными — от слез веки распухли так, будто его искушали гигантские комары.

В крошечной пиале перед ним уже возвышалась целая гора снеди, и мальчик изо всех сил старался запихнуть ее в рот.

— Вернулся. Ну что, есть какие-то зацепки? — спросил министр Жэнь, продолжая с нежностью во взоре подкладывать ребенку еще кусочек.

Цзинь Линьюэ ответил:

— Кое-что наклюнулось. Как стемнеет, сюда придет человек, знающий здешнюю подноготную от и до, и нам все по полочкам разложит, тогда многое прояснится.

Министр Жэнь даже головы не поднял:

— Кто же это?

— Сестра императорского телохранителя стражника Чжу. Это его родные края.

Министр Жэнь услышал это, вскинул голову и усмехнулся:

— И как это я забыл, что он отсюда родом.

— Вы знакомы со стражником Чжу?

— Доводилось пересекаться по службе. Парень надежный, сильный и смирный.

— Целый день на ногах, я тоже перекушу с вами. — Цзинь Линьюэ присел за стол, взял чистые палочки и потянулся к горячим блюдам.

Тут министр Жэнь снова подал голос:

— В Столице ЧП.

— Что такое?

— Министра чинов господина Бая упрятали в тюрьму Судебного приказа Дали, во время допроса его отходили палками — говорят, избили жестоко. Император пожаловал ему отпуск по болезни, сидит теперь дома. — Министр Жэнь на секунду замолчал и добавил: — Слыхал, его подозревают в причастности к гибели министра обороны. Смерть министра обороны покрыта тайной, так что шуму будет много. То, что мы сейчас не в Столице, пожалуй, даже к лучшему, хоть отдохнем от этой грызни.

Цзинь Линьюэ медленно проглотил кусок и постарался ответить как можно спокойнее:

— В чиновничьем мире так всегда, привыкнешь — и ладно.

<http://bllate.org/book/21823/2259735>